

МАРАФОНЦЫ

«Мой век» в Академическом театре имени Владимира Маяковского

Независимая газ. - 2001 - 30 мая - С.7

мейном кругу. Судя по всему для французов счеты с историей значат не меньше, чем это при-

Владимира Маяковского, лишний повод поговорить ве-
ше об искусстве. Конкрет-

Такле Светлане Немоляевой и Галине Анисимовой, режиссера Сергея Яшина и, наконец (а вернее, в первую очередь), — Театра имени Маяковского. «Мой век» в «Маяковке» располагает к мыслям об абсолютных и относительных успехах. И о том, что в искусстве, как, вероятно, нигде больше, относительные победы, ощущимые в данное время и в данном месте, порой значат больше иных абсолютных и неоспоримых достижений.

ем, когда звездная группа допирает роли, спрепарированные, к примеру, четверть века назад. Когда имена, украшающие стены «Маяковки», складываются вне стен театра — в антрепризах, других академиях, на телевидении. А здесь знаменитые и народные играют то, что им когда-то, едва ли не на заре их юности и его зрелости, доверили всевластный худрук Андрей Александрович Гончаров. И редким счастьем становится для некоторых из них работа с «пришлыми» (будь то состоявшая в штате Татьяна Ахрамкова или ученик Гончарова Сергей Яшин, который и поставил «Мой век»), чьи репетиции — по своеобразию все того же Гончарова — растягиваются надолго. Часто — на годы, может быть, потому, что годами привык репетировать сам Гончаров. До тех пор, пока мастер не соблаговолит пожаловать на очередной прогон. Конечно, все это нельзя назвать нормальным существованием театра. Но кто (и что) в силах заставить народного артиста СССР и лауреата всех премий сделать то, что может сделать, считается, только он сам, по своему собственному разумению, как говорится, на-

других нынешних, которым нечего ответить на вечный фамусовский полуопрос-полутверждение: «Вы, нынешние, нутка», Гончаров как режиссер и худрук выится этаким Эверестом. Уход Гончарова, чье полуформальное руководство вошло в привычку, и пусть так же уважительно обставленный, как уход Плучека, состоявшийся в этом сезоне, у многих просто не укладывается в голове. Кажется, сродни концу света. Хотя, с другой стороны, вот же и Яшин, ученик и готовый худрук (но у него уже есть свой театр — имени Гоголя, судьба которого без Яшина видится плачевой; кругом — проблемы). И это обстоятельство — возможная преемственность — мешает строго судить спектакль, в котором недостатков, увы, больше, чем в других работах того же режиссера. Дух небрежности витает над сценой: в паузах в глаза бросаются коробки из-под шампанского «Корвет», которые почему-то «украшают» квартиру потомственных парижан. Единственный герой-мужчина, который своими полутанцевальными выходами должен «прореживать» женское царство, поражает отсутствием не столько мужского темперамента, сколько мужского начала... Но всего этого не хочется замечать. Тем более что «Мой век» — тот самый случай, когда недостатками не исчерпывается спектакль. Помимо недостатков в нем есть очевидные достоинства.

воде Михаила Полищукова), то ли в связи с большими возможностями труппы — в постановке Сергея Яшина «Мой век» стал бенефисом двух актрис: Светланы Немоляевой, которая играет Малу, отмечающей в этой грустной комедии свое столетие, и Галины Анисимовой, которая играет дочь героини Мариэль. Кроме них, на сцену выходят еще внучка и правнучка юбиляров — (наверное, можно было превратить спектакль в блистательный квартет, но на то не хватило то ли пьесы, то ли режиссерского терпения, но прежде всего, кажется, сил самих актрис, кото-

значат не меньше, чем это при-
нято у нас, в России. Вроде бы
век уже «поворнулся за угол», но
какие-то компромиссы, которые
позволили Малу в годы оккупа-
ции, становятся поводом к долгим
раскручиваемой интриге в чере-
де семейных ссор.

на заботиться о быте, она вынуждена га-
гает на минуту с кухни, чтобы постелить скатерть и вернуться к своим пирогам, в ее скучных жестах мало лишних движений, а каждый шаг вызван какой-то необходимостью. Ее природная естественность почти чужда сценическому правдоподобию. И простота ее существования, как будто разжигает конфликт, поскольку такая дочь такой матери нравиться не может. Наоборот, может только раздражать. Бытовая подробность с обилием мелочей мешает сразу же обратить внимание на неуместность Мариэль в этом доме, все благополучие которого строится на череде компромиссов, не всегда безобидных. Но другого дома у нее нет — точно так же, как у Малу нет другой дочери, хотя именно Мариэль каждодневно напоминает ей о не самых лучших днях ее столетней жизни, где было место и знаменитостям, и всем перипетиям века, но чаще — такого, о чем лучше не вспоминать. Столетняя жизнь, о которой не хочется вспоминать, — почти метафора ада.

театре имени Маяковского — нелишний, хотя вроде бы и иноязычный аргумент в пользу русской максимы о пользе долгой жизни в России. Особенно в театре, где любовь зрителей лучше получить сполна при жизни. А это значит, что нужно настраивать себя на марафонскую дистанцию.